

С. 79 н. м.
76824

СТЕБУТ. И. А.

кр. 76

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ И СООБРАЖЕНІЙ

ПО ПОВОДУ

АГРАРНАГО ВОПРОСА.

Дополненіе къ брошюрѣ-запискѣ подъ
тѣмъ же заглавіемъ.

Автору чрезвычайно желательно, чтобы лица, ознакомившіяся съ его
брошюрой-запиской, ознакомились бы и съ настоящей брошюрой.

Библиотека

333.5

С. 79 н. м.

76824

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія подъ фирмою „Г. П. Пожаровъ“. Загородный, 8.

1906.

мрам

Когда аграрный вопрос у нас, получив преобладающую политическую окраску, потребовал такого спѣшнаго разрѣшенія, что при этомъ могли быть упущены изъ виду нѣкоторыя весьма важныя стороны его, а разрѣшеніе его могло быть болѣе или менѣе одностороннимъ, я счелъ своею нравственною обязанностью подѣлиться со всѣми, серьезно заинтересованными въ разрѣшеніи этого вопроса и призванными къ его разрѣшенію, моимъ взглядомъ, главнымъ образомъ, на то вліяніе, какое можетъ имѣть то или другое разрѣшеніе его на развитіе нашей сельскохозяйственной промышленности въ интересахъ какъ сельскихъ хозяевъ различныхъ категорій, такъ и Государства. Вотъ цѣль, съ которою я напечаталъ брошюру-записку „Нѣсколько мыслей и соображеній по поводу аграрнаго вопроса“ и старался распространить ее преимущественно между указанными выше лицами. Въ этой брошюрѣ, преслѣдуя вышесказанную цѣль, я не могъ не коснуться условій, отъ которыхъ зависитъ правильное, нормальное развитіе сельскохозяйственной промышленности, условій—неблагопріятствующихъ такому развитію у насъ и мѣръ къ созданію у насъ благопріятствующихъ этому послѣднему условій. Брошюра эта вышла изъ печати въ концѣ марта истекающаго 1906 года, слѣдовательно раньше созыва первой Государственной Думы. При сдѣланной мною помѣткѣ

к

на заглавномъ листѣ брошюры-записки и непоступленіи брошюры въ продажу, я могъ ожидать, что о ней не появится ничего въ печати; но я ошибся—ея коснулась книга извѣстнаго автора, но коснулась такъ, что читатель ея могъ получить совершенно невѣрное представленіе о томъ, что я провожу въ брошюрѣ въ разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Въ устраненіе этого недоразумѣнія я долженъ былъ написать письмо въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“, которое и было напечатано въ № 171 этой газеты за истекающей 1906 годъ.

Когда же въ печати появилась земельная программа партіи народной свободы, я, оставаясь при высказанныхъ мною въ брошюрѣ-запискѣ возрѣніяхъ на разрѣшеніе аграрнаго вопроса, не могъ не натолкнуться: съ одной стороны, на большое число вопросовъ въ отношеніи разрѣшенія аграрнаго вопроса, возбуждавшихся программой, но не разрѣшавшихся ею; съ другой—на тѣ трудности, которыя представляло разрѣшеніе какъ этихъ вопросовъ, такъ и многихъ затронутыхъ программой. Вотъ эти вопросы и усматриваемыя мною трудности разрѣшенія ихъ и составили содержаніе моей статьи „По поводу аграрнаго вопроса въ связи съ земельной программой партіи народной свободы“, написанной мною ранѣе, чѣмъ началось обсужденіе этого вопроса въ Государственной Думѣ, но появившейся въ фельетонѣ № 159 „Русскихъ Вѣдомостей“ за подписью моего псевдонима „Ясъ“ нѣсколько позже этого.

Какъ въ брошюрѣ, такъ и въ этой статьѣ, конечно, я не могъ не касаться отношенія частныхъ землевладѣльцевъ къ сельскохозяйственной промышленности и къ аграрному вопросу, но тамъ было неумѣстно ка-

саться его настолько, насколько это было бы желательно для меня въ оправданіе частныхъ землевладѣльцевъ отъ того преувеличеннаго и огульнаго обвиненія ихъ, которое встрѣчалось и встрѣчается въ нашей литературѣ, именно по этимъ обоимъ отношеніямъ; а потому то, чего я не могъ сдѣлать въ брошюрѣ-запискѣ и статьѣ-фельетонѣ, я сдѣлалъ въ новой статьѣ, озаглавивъ ее: „Виноваты ли частные землевладѣльцы, и, если виноваты, то насколько, въ томъ, въ чемъ ихъ обыкновенно обвиняютъ“; но, хотя статья эта была готова до роспуска Государственной Думы, мнѣ не удалось напечатать ее до этого, и я, не получивъ возможности напечатать ее въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за подписью моего псевдонима, рѣшаюсь напечатать ее отдѣльной брошюрой въ связи съ предыдущей статьѣй-фельетономъ—названной выше брошюрой и связаннымъ письмомъ, дабы дать этимъ прежде всего возможность получившимъ мою брошюру-записку ознакомиться и съ этими двумя дополненіями, чтобы получить болѣе цѣлостное представленіе о моемъ взглядѣ на болѣе соответствующее разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ интересахъ правильнаго развитія сельскохозяйственной промышленности, а слѣдовательно и въ интересахъ Государства.

Со времени написанія мною послѣдней статьи прошло уже почти полгода, въ теченіе котораго совершилось многое: съ одной стороны, аграрные безпорядки, если не усилились, то распространились, съ другой—принимаются мѣры въ разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Изъ этого многого два обстоятельства побуждаютъ дополнить настоящее краткое введеніе къ печатаемымъ отдѣльной брошюрой двумъ статьямъ и письму нѣсколькими еще мыслями.

Въ одномъ мѣстѣ послѣдней изъ двухъ статей я говорю: „но аграрные безпорядки, совершаемые при этихъ благопріятствующихъ имъ обстоятельствахъ, поражаютъ неодинаково всѣ мѣстности и всѣ частновладѣльческія имѣнія, и, если обратить вниманіе на замѣчаемое по крайней мѣрѣ пока различіе въ этомъ отношеніи, то едва ли не менѣе страдаютъ отъ этихъ безпорядковъ имѣнія и хозяйства тѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ, которые ближе стоятъ къ землѣ и мѣстному населенію, и тѣ мѣстности, въ которыхъ число такихъ землевладѣльцевъ больше“; при этомъ я имѣлъ въ виду нѣкоторыя мѣстности средней черноземной полосы, которыя тогда еще были свободны отъ аграрныхъ безпорядковъ. Отправляя эту статью въ печать, я въ рукописи подчеркнул въ ней слѣдующія слова: „по крайней мѣрѣ пока“ съ тѣмъ, чтобы они были напечатаны отличнымъ отъ общаго шрифтомъ и тѣмъ обратили вниманіе читателя на то, что мнѣ уже тогда было ясно, что благопріятствующія аграрнымъ безпорядкамъ обстоятельства, о которыхъ я говорю, таковы, что при извѣстной интенсивности, которую могла получить и получила извѣстная агитація, пропаганда могла вызвать въ концѣ концовъ аграрные безпорядки повсюду и тѣмъ болѣе въ такихъ хозяйствахъ, которыя и по земельной программѣ партіи народной свободы, и по рѣчамъ въ Государственной Думѣ должны были предположительно, какъ образцовыя, сохранить свою землю, если не всю, то все же большую часть ея. И дѣйствительно, такія хозяйства подверглись аграрнымъ безпорядкамъ въ сказанныхъ мѣстностяхъ и даже прежде другихъ.

Затѣмъ, не могу не обратить вниманія на нѣкото-

рыхъ стороны пропагандируемаго и поддерживаемаго принимаемыми мѣропріятіями крестьянскаго расселенія хуторами на отрубкахъ. Несомнѣнно, выселеніе отдѣльнымъ хуторомъ на отрубкахъ представляетъ много привлекательнаго для многихъ крестьянъ, испытавшихъ гнетъ общественнаго землепользованія, зависимость въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ своей землей отъ общества. Несомнѣнно также и то, что техническая сторона хозяйствованія можетъ выиграть при хуторскомъ хозяйствѣ крестьянина, понимающаго значеніе этой стороны; но далеко не всегда можетъ выиграть и экономическая, болѣе важная сторона хозяйствованія въ такомъ случаѣ. Вѣдь хозяйство должно быть выгоднымъ, доходнымъ, и доходъ долженъ покрывать потребности расходнаго бюджета хозяина и его семьи. Слѣдовательно, выгодность хуторскаго хозяйства будетъ зависеть отъ того, что оно должно производить и, въ соотвѣтствіе съ этимъ, какимъ количествомъ земли должно оно располагать. Если по условіямъ рынка и климата такое хозяйство въ состояніи производить болѣе цѣнныя растенія или вообщесельскохозяйственные продукты, то оно можетъ быть доходнымъ и при меньшемъ количествѣ земли; оно можетъ довольствоваться меньшимъ количествомъ земли, если доходъ отъ хозяйства не долженъ покрывать всего расходнаго бюджета хозяина и его семьи, имѣющихъ какой-либо сторонній заработокъ, помимо сельскохозяйственнаго. Далѣе, расселеніе хуторами находится въ большой зависимости отъ возможности удобно пользоваться водой для человѣка и скотины, а равно и выгономъ, безъ котораго едва ли мыслимо наше крестьянское хозяйство. Наконецъ, вѣдь такое расселеніе со-

пряжено съ капитальными затратами, которыя должны будутъ покрытыя доходами хуторского хозяйства. Имѣя все это въ виду и не говоря уже о вѣкахъ привоспитанномъ нашему крестьянину влеченіи къ жизни въ деревнѣ въ сообществѣ своихъ односельчанъ, а мѣстами обусловливаемомъ даже климатическими условіями, я думаю, не безъ основанія можно утверждать, что поселеніе хуторами далеко не вездѣ будетъ цѣлесообразнымъ, и если найдутся мѣстности, въ которыхъ оно, какъ совершенно цѣлесообразное, въ извѣстныхъ размѣрахъ будетъ содѣйствовать подъему благосостоянія крестьянскаго населенія, то во многихъ и очень многихъ мѣстахъ, переступивъ извѣстныя границы, можетъ вызвать совершенно обратное явленіе. Почему въ этомъ отношеніи, думается мнѣ, необходима большая осмотрительность и, что главное, это должно быть свободной, сознательной инициативой крестьянскихъ обществъ или отдѣльныхъ крестьянъ, которая при цѣлесообразности въ данномъ случаѣ не только можетъ, но и должна найти содѣйствіе кого слѣдуетъ къ проведенію ея въ жизнь, если бы она въ этомъ послѣднемъ нуждалась. Развѣ въ Западной Европѣ, на которую у насъ такъ любятъ опираться въ присканіи мѣръ къ наилучшему разрѣшенію аграрнаго вопроса, повсемѣстное сплошное хуторское хозяйство? Далекъ нѣтъ, да и тамъ, гдѣ оно имѣется, развѣ оно повсюду процвѣтаетъ и обезпечиваетъ мелкому сельскому хозяину безбѣдное существованіе, освобождаетъ его отъ присканія себѣ побочнаго, не сельскохозяйственнаго заработка и не заставляетъ его терпѣть нужду тамъ, гдѣ онъ этого послѣдняго не находитъ. Къ тому же, соотвѣтствующія условія давныхъ времени и мѣст-

ности, болѣе крупныя хозяйственныя единицы всегда гораздо легче могутъ раздѣлиться на менѣе крупныя, болѣе мелкія, если этого потребуютъ измѣнившіяся условія, чѣмъ изъ мелкихъ, если бы онѣ оказались не соотвѣтствующими условіямъ образованъ болѣе крупныя, требуемой данными условіями, величины.

Въ заключеніе, сознавая вполне громадное значеніе хуторского хозяйства, вполне отвѣчающаго условіямъ выгоднаго хозяйства, я не могу не обратить вниманія на то значеніе, которое имѣло бы на развитіе такого хуторского хозяйства урегулированіе арендованія земли именно на долгіе сроки съ цѣлью заведенія хуторского хозяйства.

И. Стебутъ.

1906 г. Декабря 4.

По аграрному вопросу въ связи съ земельной программой партіи народной свободы.

Ознакомившись съ земельной программой партіи народной свободы, какъ она передана между прочимъ въ *Народномъ Дѣлѣ*, русскому человеку и патриоту нельзя не сочувствовать стремленію партіи улучшить, поднять благосостояніе многомилліоннаго преобладающаго русскаго земледѣльческаго крестьянскаго населенія, и всякому благомыслящему человеку — той справедливости, которую программа предполагаетъ соблюсти при отчужденіи частновладѣльческой земли для удовлетворенія потребности въ ней крестьянскаго земледѣльческаго населенія. Конечно, справедливостью въ этомъ случаѣ бу-

детъ соблюденіе интересовъ какъ земледѣльцевъ, нуждающихся въ землѣ, такъ и владѣльцевъ той земли, въ которой нуждаются первые, насколько эти интересы могутъ быть согласованы между собой; иначе справедливости не было бы.

Но стремленіе къ извѣстной цѣли не гарантируетъ еще достиженія ея; для этого послѣдняго необходимы соответствующія цѣли и дѣйствительному положенію вещей мѣры, хотя нужно имѣть въ виду, что достиженіе полностью цѣли далеко не всегда возможно. Вотъ, по поводу предлагающихся программю мѣръ мнѣ и хотѣлось бы высказаться съ нѣкоторой надеждой, что высказанное мною, можетъ быть, послужитъ хотя сколько нибудь болѣе полному выясненію дѣла.

Крестьяне, какъ говорятъ они сами и какъ пишутъ и говорятъ со словъ ихъ другіе, желаютъ земли и воли. И это понятно каждому, кто знаетъ бѣдственное и безправное положеніе крестьянскаго населенія. Но едва ли не вѣрнѣе было бы, если бы они желали воли и земли, какъ несомнѣнно желали они этого, думается мнѣ, при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Вѣдь волею могутъ быть надѣлены всѣ люди въ одинаковой мѣрѣ, къ тому же этотъ надѣлъ можетъ увеличиваться съ развитіемъ гражданственности въ массѣ населенія; землею же нельзя надѣлить всѣхъ поровну, да къ тому же этотъ надѣлъ долженъ постоянно уменьшаться съ возрастаніемъ численности населенія. И для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы съ освобожденіемъ крестьянъ были даны имъ и осуществлены извѣстныя права и, главнымъ образомъ, право на просвѣщеніе, — вопросъ земельного обезпеченія крестьянскаго

земледѣльческаго населенія формулировался бы много иначе, чѣмъ теперь.

Какъ же формулируется онъ теперь? Говорятъ: „*трудящійся долженъ въ полной мѣрѣ пользоваться плодами своего труда*“, „*прочное земельное обезпеченіе крестьянъ*“ и „*уравнительное пользованіе землей*“. Какимъ же образомъ предполагается осуществить такъ сформулированныя положенія, изъ коихъ первое едва ли можетъ подлежать оспариванію, хотя слова въ „полной мѣрѣ“ представляютъ едва ли когда-либо вполне осуществимое требованіе для какого бы то ни было трудящагося. Предполагается: *дать землю тѣмъ земледѣльцамъ, которые не имѣютъ теперь достаточно земли или вовсе ея не имѣютъ*, — другими словами, *малоземельнымъ крестьянамъ и безземельнымъ крестьянамъ и батракамъ, равно какъ прежде занимавшимся своимъ хозяйствомъ семьямъ, но затѣмъ покинувшимъ его именно изъ-за малоземелья, если они пожелаютъ возобновить хозяйство*. Но сколько же земли нужно крестьянину, чтобы считать его достаточно имѣющимъ ея? Предполагаютъ, *что каждая крестьянская семья должна имѣть участокъ земли необходимаго размѣра на каждого члѣна, не считая ни возраста, ни пола—всѣмъ; въ общемъ же такого потребительнаго размѣра, чтобы доходъ съ участка обезпечивалъ, по мѣстнымъ условіямъ и принимая въ расчетъ прочныя промысловыя доходы, гдѣ они существуютъ, потребность въ жилищѣ, одеждѣ, продовольствіи и несеніи повинностей*. Изъ этого какъ бы слѣдуетъ, что земледѣліе—вовсе не промыселъ или, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть промысломъ, дающимъ прочныя доходы. Далѣе, изъ этого слѣдуетъ, что въ уравнительномъ пользованіи

землей нѣтъ надобности, такъ какъ количество ея, необходимое для пополненія того, чего не доставляютъ для покрытія указанныхъ потребностей прочные промысловые доходы, а тѣмъ болѣе, когда этихъ послѣднихъ вовсе не существуетъ, да еще въ зависимости отъ мѣстныхъ условій,—должно быть чрезвычайно различнымъ; между тѣмъ оно намѣчается нѣкоторыми совершенно опредѣленно.

Такъ, В. Е. Якушеинъ (см. № 58 *Народнаго Дѣла*) полагаетъ, что оно удовлетворялось бы половиною вышшаго надѣла 1861 года, или двумя десятинами на ѣдока, что въ общемъ значило бы увеличить вдвое количество надѣльной земли, полученное въ 1861 году.

Если положимъ, что на ѣдока, безъ различія пола и возраста, требуется въ годъ 12 пудовъ ржи на продовольствіе, то $\frac{2}{3}$ десятины (при общей земельной нормѣ въ 2 десятины на ѣдока) озимаго поля въ трехпольѣ подъ рожью должны доставить на продовольствіе 18 пудовъ ржи съ десятины; слѣдовательно, весь избытокъ урожая сверхъ 18 пудовъ можетъ быть обращенъ на покрытіе другихъ расходовъ, и если семья состоитъ изъ 5 ѣдочковъ, то общее количество земли въ пользованіи семьи должно составить 10 десятинъ. Но оплатитъ ли работа на 10 десятинахъ надлежащимъ образомъ трудъ работника, который можетъ работать производительно у насъ при трехпольѣ не менѣе, какъ на 20 десятинахъ, имѣя 2-3 лошадей. Если же этихъ 20 десятинъ у него нѣтъ, то ему придется искать для себя и своей конной силой той же работы на сторонѣ или же какого-либо другого занятія; 20 же десятинъ можетъ, согласно приведенному расчету, имѣть семья съ 10 ѣдоками, которая

большею частью въ своемъ составѣ будетъ имѣть 2 работниковъ; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ другому работнику потребуется уже какое-либо занятіе на сторонѣ или дома для полученія соотвѣтствующаго заработка. Да и можно ли довести землепользованіе каждаго крестьянскаго двора до такой нормы, какъ 20 десятинъ. Въ извѣстномъ мнѣ въ одной изъ центральныхъ черноземныхъ губерній случаѣ 88 крестьянскихъ дворовъ владѣютъ 580 десятинами земли и такимъ же количествомъ земли владѣетъ сосѣдній частный землевладѣлецъ; слѣдовательно, всей земли—1,160 десятинъ, а потребовалось бы ея 1,760 десятинъ, если бы каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ имѣть 20 десятинъ. По 2 десятины на ѣдока хватило бы и осталось бы еще что-либо во владѣніи частнаго землевладѣльца, но въ какомъ же положеніи очутились бы крестьянскіе дворы, имѣющіе это число ѣдочковъ и даже больше этого при большемъ конечно, въ то же время числѣ работниковъ, чѣмъ одинъ въ семьѣ? Всѣ нуждались бы въ томъ или другомъ размѣрѣ въ сельскохозяйственномъ заработкѣ на сторонѣ, котораго не могли бы имѣть за отсутствіемъ хозяйства, нуждающихся въ наемныхъ рабочихъ рукахъ, или въ не сельскохозяйственномъ у себя въ домѣ. При неимѣніи же такого заработка свой хлѣбъ обходился бы этимъ дворамъ очень дорого, такъ какъ долженъ былъ бы нести накладной расходъ въ оплатѣ рукъ, остающихся безъ работы, и стоилъ бы двору, конечно, дороже покупного, если бы дворъ имѣлъ выгодный заработокъ на чемъ-либо другомъ, но не на хлѣбномъ производствѣ. Разъ заработокъ крестьянина такъ или иначе долженъ связываться съ землей, которою крестьянинъ

владѣть, то онъ долженъ былъ бы получаться отъ воздѣлыванія болѣе цѣнныхъ растений, какъ то: садовыхъ, огородныхъ, лѣкарственныхъ, придильныхъ и другихъ, культура которыхъ можетъ доставить известной величины валовой доходъ и хорошій заработокъ часто не только для взрослого работника мужскаго пола, но и для женщинъ, подростковъ и даже дѣтей. Не могу не вспомнить при этомъ одного известнаго русскаго ученаго, сдѣлавшагося силою обстоятельствъ хозяиномъ въ мѣстности, занимавшейся льноводствомъ, который, очевидно, не считаясь съ экономическими соображеніями, высказывалъ такую мысль: вотъ крестьянину, нуждающемуся въ хлѣбѣ, воздѣлывать бы хлѣбъ, а частному владѣльцу—ленъ. Я думаю, недолго нужно остановиться на этой мысли, чтобы съ экономической стороны утверждать совершенно противоположное. Воздѣлываніе льна, которое можетъ дать занятія различнымъ членамъ семьи, къ тому же отчасти,—что особенно важно у насъ, въ то время, когда прекращаются полевые работы, конечно, можетъ помирить крестьянина, мелкаго хозяина, съ малоземельемъ и дать заработокъ, который позволитъ ему съ выгодой купить необходимый для него хлѣбъ у болѣе крупнаго хозяина, который, несомнѣнно, можетъ производить хлѣбъ дешевле мелкаго. И потому можно только сожалѣть о томъ, что въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ мало развились такія культуры,—нашъ крестьянинъ заурядъ покупаетъ даже капусту, которую могъ бы воздѣлывать у себя на огородѣ; хотя удивляться этому нельзя, потому что если эти культуры требуютъ и менѣе земли, чѣмъ культура хлѣба, то онѣ требуютъ зато иныхъ, большей частью климатическихъ условій, чѣмъ

наши, да и большаго развитія, больше знаній, больше капитала на первоначальное обзаведеніе; о доставленіи же всего этого послѣдняго крестьянину было приложено весьма мало заботы. Для иллюстраціи того, насколько малое развитіе такихъ культуръ обусловливается неразвитостью крестьянскаго населенія, не могу не привести одного известнаго мнѣ случая въ центральной черноземной Россіи, въ одной деревушкѣ, по близости значительнаго города. Крестьянинъ, бывший батракомъ у одного изъ своихъ односельчанъ и окончившій мѣстную школу, отбывъ воинскую повинность въ мѣстности съ повышенной земледѣльской культурой, по возвращеніи въ деревню завелъ у себя плодовый садъ и занялся воздѣлываніемъ огурцовъ. Опытъ этого послѣдняго далъ ему такой прекрасный результатъ, что онъ предложилъ своему сельскому обществу сдѣлать изъ этой культуры общественное дѣло. Односельчане согласились на это подъ условіемъ, что онъ поставитъ имъ ведро водки. Онъ, какъ непьющій, отказалъ имъ въ этомъ, и изъ предложенія его ничего не вышло. Что же касается его плодоваго сада, то когда онъ былъ въ полномъ цвѣту, обѣщая обильный сборъ плодовъ, ему подпилили всѣ деревья, такъ что они всѣ погибли. Въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне занимаются такими культурами, крестьянское хозяйство едва ли испытываетъ сколько-нибудь острое малоземелье.

Высказываю все это вовсе не для того, чтобы возражать противъ необходимости увеличенія землепользованія крестьянъ. Оно часто безусловно необходимо, какъ-то: для уничтоженія черезполосицы, для округленія землепользованія, для снабженія крестьянъ недостающими

имъ угодіями, для возмѣщенія полямъ той части земли, которая не можетъ продолжать оставаться подъ полемъ безъ совершеннаго уничтоженія ея культурныхъ свойствъ вслѣдствіе образованія овраговъ и др. Наконецъ, увеличеніе крестьянскаго землепользованія вообще необходимо уже, чтобы удовлетворить настоятельное, хотя и безотчетное въ этомъ отношеніи требованіе крестьянъ. Разъ не было принято своевременныхъ и соответствующихъ мѣръ, чтобы дать крестьянскому населенію возможность стать въ правильное отношеніе къ землепользованію, придется, можетъ-быть, уступить силѣ, которую можно было бы побороть лишь вразумленіемъ, теперь запоздалымъ, а не оружіемъ и кровью. Но уступая силѣ, необходимо ясно сознавать какъ хорошія, такъ и дурныя послѣдствія этой уступки, чтобы затѣмъ всѣми возможными средствами усилить первыя и умалить послѣднія.

Теперь коснусь другой стороны намѣчаемаго программой разрѣшенія аграрнаго вопроса: откуда взять земли для предполагаемаго увеличенія крестьянскаго земельного надѣла? Для надѣленія земледѣльческаго населенія землей, — говорится въ программѣ, — долженъ быть образованъ государственный основной запасъ земли. Для составленія этого запаса надо прежде всего обратить въ него всѣ земли государственныя, удѣльныя, монастырскія, церковныя, а за недостаткомъ, особенно въ некоторыхъ губерніяхъ, этихъ земель, въ числѣ которыхъ къ тому же много лѣсовъ и сравнительно мало пахотныхъ и сенокосныхъ, предполагается подвергнуть обязательному отчужденію частновладельческія земли въ потребномъ количествѣ ограничивъ, однако, это отчужденіе: землями, сдававшимися

въ аренду до 1-го января 1906 года, затѣмъ землями, лежащими впусть, но годными для обработки, и, наконецъ, землями, хотя используемыми самимъ хозяиномъ-частновладельцемъ помощью собственныхъ скота и орудій и наемными рабочими, но превышающими опредѣленный размѣръ; но земля и въ этомъ предѣльномъ размѣрѣ можетъ подлежать отчужденію, если окажется, что нужда крестьянъ вслѣдствіе безплодности, необходимости округленія крестьянскаго участка земли, улучшенія состава угодій, созданія необходимаго прогона къ водѣ и т. д. остается неудовлетворенной землями, поступившими въ государственный запасъ. Не подлежатъ затѣмъ отчужденію, какъ предполагается самые небольшіе участки, размѣръ которыхъ опредѣляется особо для каждой мѣстности; они меньше того предѣльнаго размѣра землевладенія на одного владельца при условіи собственнаго хозяйства, а приближаются скорѣе къ тому, что можетъ обработать своими силами одна семья; слѣдовательно, смотря по мѣстности, въ 25—40 до 50 десятинъ. Дальше, не подлежатъ обязательному отчужденію также земли подъ усадьбами, садами, огородами (кроме сдаваемыхъ въ аренду), подъ искусственными лѣсами (насажденіями), хмѣльниками, питомниками. Не знаю, сохраняется ли встрѣчавшееся раньше предположеніе не отчуждать нѣкоторыхъ исключительно выдающихся по способу хозяйства имѣній. Кроме того, допускается возможность непредвидимыхъ случаевъ, когда участки земли не могутъ подлежать отчужденію, что предоставляется въ такихъ случаяхъ усмотрѣнію правительства.

Съ осуществленіемъ этихъ предположеній частныя землевладѣльцы въ состояніи будутъ сохранять усадьбы, если пожелаютъ, и, конечно, это—болѣе, чѣмъ справедливо, потому что для многихъ, если не для всѣхъ, сохраненіе усадьбы въ высокой степени дорого по связаннымъ съ

нею родовымъ преданіямъ и по воспоминаніямъ о бывшей своей хозяйственной и общественной дѣятельности. Замѣчу, что сохраненіе многими частными землевладѣльцами настоящей ихъ осѣдлости въ деревнѣ, разъ они на это рѣшатся и предпочтутъ ее другимъ мѣстамъ осѣдлости, можетъ быть полезно и для мѣстнаго крестьянскаго населенія, которое, конечно, будетъ нуждаться, особенно въ первое время, въ совѣтахъ и разнаго рода содѣйствіяхъ интеллигентныхъ людей. Но смогутъ ли настоящіе частные землевладѣльцы при осуществленіи предполагаемаго программой отчужденія земли сохранить что-либо болѣе усадьбы, въ особенности же цѣлыя, какъ это предполагается, исключительно выдающіяся хозяйства, для меня сомнительно. Въ данную минуту настойчиваго, хотя и безотчетнаго стремленія крестьянъ къ увеличенію ихъ землепользованія, въ какія отношенія къ крестьянамъ станетъ такой частный владѣлецъ, сохраняющій свое хозяйство, хотя бы ихъ отношенія до того были самыми лучшими, когда сосѣдніе крестьяне отъ другихъ частныхъ землевладѣльцевъ получаютъ большее количество земли, чѣмъ отъ него? Едва ли такой владѣлецъ, исключительно выдающагося по способу веденія хозяйства, согласится при этихъ условіяхъ сохранить его. Можетъ быть, на основаніи приведенныхъ предположеній, частный землевладѣлецъ въ состояніи будетъ сохранить садъ и огородъ, хмѣльникъ и проч., находящееся въ ближайшей связи съ усадьбой, но что касается искусственныхъ лѣсонасажденій, то это представляется уже затруднительнымъ, такъ какъ онѣ очень часто, особенно въ извѣстныхъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, являются очень разбросанными, какъ, напримѣръ, обсадка лощинъ и др.

Сохраненіе ихъ среди отходящей крестьянамъ земли за частнымъ владѣльцемъ, особенно въ ближайшее за новой земельной реформой время, по-моему, немыслимо. Предполагается, что огородъ, а можетъ быть и садъ (изъ текста предположеній это не совсѣмъ ясно), сдающіеся въ аренду, также подлежатъ отчужденію.

Конечно, какъ я сказалъ выше, я ничего не имѣю возразить противъ отчужденія земли, если это необходимо для улучшенія благосостоянія многомилліоннаго крестьянскаго населенія и можетъ быть произведено хотя сколько-нибудь безобидно для настоящаго частнаго владѣльца, но долженъ сказать здѣсь, что меня озабочиваетъ другая сторона разрѣшенія этой задачи, — что произойдетъ съ отчужденными въ государственный земельный запасъ частновладѣльческими землями, если онѣ связываются съ бывшими необходимыми для хозяйства постройками, меліоративными сооруженіями, были приведены въ извѣстную систему, заняты плодовыми деревьями, лѣсонасажденіями и т. д. Будетъ ли все это подлежать уничтоженію, чтобы этими землями, въ видѣ пахотной, луговой и выгонной земли, пополнить недостающіе крестьянскіе надѣлы, и превращенныя въ этого рода угодыя земли распредѣлятся ли между крестьянскими дворами, или предполагается для нихъ что-либо другое? Въ первомъ случаѣ это должно быть сопряжено съ уничтоженіемъ поучительнаго образца раціональныхъ культурныхъ начинаній и организаціи хозяйства и массы накопленнаго капитала, безъ пользы для кого-нибудь, но съ большимъ вредомъ для многихъ и большимъ убыткомъ для государства. Невольно напрашивается въ этомъ случаѣ сравненіе съ фабрикой, которая, будучи отчуждена у

фабриканта для улучшенія положенія фабричнаго рабочаго, была бы подѣлена между рабочими этой фабрики. Конечно, это было бы безразсудно. Но если предположить что-либо другое для использованія въ интересахъ крестьянскаго населенія частновладѣльческихъ земель, образовывавшихъ стройныя хозяйства, то необходимо допустить, что у крестьянъ найдется сейчасъ нѣкоторая способность къ веденію общаго дѣла, которая, если и встрѣчается въ настоящее время, то развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Нельзя не остановиться еще на нѣкоторыхъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, какъ помирятся крестьяне, владѣющіе пріобрѣтенной ими землей въ количествѣ, превышающемъ предѣльный размѣръ, съ отчужденіемъ у нихъ земли, а если не помирятся, то почему же они будутъ имѣть право, котораго лишаются другіе? Во-вторыхъ, помирятся ли крестьяне съ тѣмъ, чтобы земля сосѣдняго частнаго землевладѣльца, которую получить они считаютъ исключительнымъ своимъ правомъ, досталась въ извѣстномъ количествѣ, превышающемъ норму надѣленія, приплымъ крестьянамъ? Думаю, что только подъ давленіемъ силы, а можетъ-быть, и съ человѣческими жертвами. Въ-третьихъ, на долго ли хватитъ новаго надѣленія землей, чтобы крестьянское населеніе не почувствовало снова малоземелья въ той острой формѣ, какъ теперь? Въ-четвертыхъ, можно ли считать нормальнымъ положеніе вещей, если человѣку, не родившемуся въ крестьянской средѣ, будетъ прегражденъ путь къ занятію сельскимъ хозяйствомъ въ какой-либо степени? Въ-пятыхъ, наконецъ, можно ли разсчитывать, какъ это полагаютъ многие, на сколько-нибудь общее расселеніе крестьянъ мел-

кими хуторами, особенно въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Россіи, когда расселеніе даже болѣе крупными, чѣмъ хуторъ, поселками, встрѣчаетъ массу затрудненій? Съ какими новыми и значительными расходами будетъ сопряжено это,—расходами, которые должно будетъ оплатить и безъ того не обещающее быть доходнымъ сельскохозяйственное полевое производство мелкихъ хуторовъ?

Все это приводитъ меня къ тому заключенію, что сколько-нибудь правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса необходимо требуетъ согласованія его съ чрезвычайно разнообразными условіями не только различныхъ мѣстностей нашего отечества, но даже и отдѣльныхъ случаевъ, а потому нельзя не признать весьма цѣлесообразнымъ предположеніе поручить его мѣстнымъ комиссіямъ. Но для того, чтобы мѣстныя комиссіи могли дѣйствовать успѣшно, необходимо, чтобы районъ ихъ вѣдѣнія былъ по возможности невеликъ, ни въ какомъ случаѣ не больше уѣзда, чтобы комиссіи состояли изъ представителей обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ: крестьянской и частновладѣльческой, избраніе которыхъ гарантировалось бы умѣрое, непристрастное рѣшеніе вопроса въ каждомъ частномъ случаѣ; чтобы предсѣдателемъ такой комиссіи было лицо нейтральное, назначаемое центральнымъ органомъ изъ лицъ, точно также знакомыхъ съ мѣстнымъ положеніемъ дѣла, чтобы, въ случаѣ невозможности согласованія сторонъ въ извѣстномъ рѣшеніи вопроса, это послѣднее было бы предоставлено тому же центральному органу, которому долженъ принадлежать и общій контроль за веденіемъ земельной реформы, и чтобы, наконецъ, общій законъ по аграрному вопросу

опредѣлялъ рѣшеніе этого послѣдняго лишь въ самыхъ общихъ основаніяхъ, обеспечивающихъ лишь такъ или иначе улучшение земельного положенія крестьянскаго населенія.

3-го Іюня 1906 г.

Виноваты-ли русскіе частные землевладельцы и, если виноваты, то насколько—въ томъ, въ чемъ они обыкновенно обвиняются?

Русскіе землевладельцы раздѣляются на двѣ категоріи: одна изъ нихъ владѣетъ надѣльной землей при общинномъ или подворно-участковомъ владѣніи и принадлежитъ исключительно къ крестьянскому сословію; другая же, обнимающая землевладельцевъ всѣхъ сословій, владѣетъ землей, доставшейся по наслѣдству или въ даръ, или купленной. Вопросъ, который я поставилъ въ заголовкѣ, относится ко второй категоріи землевладельцевъ подъ общимъ названіемъ частныхъ, къ которымъ принадлежатъ и бывшіе помѣщики, т. е. владѣвшіе землями, заселенными крѣпостными людьми, и принадлежавшіе исключительно къ дворянскому сословію. Теперь помѣщиковъ въ собственномъ смыслѣ этого слова нѣтъ, и употребленіе слова „помѣщикъ“ заставляетъ меня всегда подозрѣвать у употребляющаго его то непріязненное чувство къ частному землевладѣнію, которое унаслѣдовано отъ временъ крѣпостного права.

Въ чемъ же обвиняются эти частные землевладельцы? Прежде всего въ томъ, что они владѣютъ въ большемъ, а иногда въ громадномъ количествѣ земель сравнительно

съ землевладельцами первой категоріи, которые, прилагая собственныя руки къ обработкѣ земли, не имѣютъ ея достаточно и нуждаются въ ней. Если послѣднее и справедливо въ извѣстной мѣрѣ, то все же полагаю, что никто не можетъ быть обвиняемъ въ томъ, что онъ владѣетъ землей, какъ бы значительно ни было ея количество, разъ онъ владѣетъ ею на законномъ основаніи, какъ получившій ее въ наслѣдство или даръ, или купившій ее. Если же владѣніе чрезмѣрнымъ количествомъ земли въ рукахъ единичныхъ лицъ нарушаетъ въ какомъ либо отношеніи общественные, государственные интересы, а между тѣмъ терпится, то это, конечно, вина не лицъ, владѣющихъ такимъ количествомъ земли, а государственной власти, которая могла уменьшить землевладѣніе однихъ и увеличить землевладѣніе или землепользованіе другихъ, дѣлая это справедливо при соответственномъ вознагражденіи частнаго землевладѣнія за отчуждаемыя земли и при допустимомъ соблюденіи того или другого его интереса. Вѣдь и нищенскій надѣлъ, съ которымъ вышла часть крестьянскаго населенія изъ крѣпостной зависимости, былъ ошибкой освободительнаго акта 1861 года, а не виной частныхъ землевладельцевъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ это сдѣлалось съ согласія самихъ крестьянъ, не желавшихъ обременять себя выкупнымъ платежемъ и предпочитавшихъ арендовать землю, которой, казалось имъ, будетъ всегда достаточно и сдаваться она будетъ всегда по умѣренной цѣнѣ. Частные землевладельцы могли быть виноваты въ этихъ случаяхъ не какъ частные землевладельцы, а какъ государственные люди, если они, какъ такіе, привлекались къ рѣшенію вопросовъ землевладѣнія и землепользованія.

Не странно-ли, что частное, такъ сказать, сельскохозяйственное землевладѣніе, громадное иногда по пространству, вызываетъ такіе горячіе протесты, тогда какъ городское еще большее часто по цѣнности, не возбуждаетъ такихъ протестовъ, а между тѣмъ оно, какъ еще быстрѣе возрастающее часто въ цѣнѣ, несомнѣнно обременяетъ населеніе, въ томъ числѣ и претерпѣвающихъ нужду. Въ томъ то и дѣло, что частное землевладѣніе, какое бы оно ни было, представляетъ ту ненормальность, что земля, въ которой нуждается каждый человѣкъ такъ или иначе, ограничена въ пространствѣ и потому должна возрастать въ цѣнѣ, помимо всякой заслуги въ томъ землевладѣльца. Вотъ почему, думаю, что было бы вполне справедливо остановить закономъ ростъ цѣны земли, насколько онъ зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, на той высотѣ, какую она имѣетъ въ настоящее время для землевладѣльца по справедливой оцѣнкѣ. Это было бы справедливо и безобидно для настоящаго владѣльца и въ то же время предупредило бы массу могущихъ возникнуть въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ недоразумѣній и затрудненій при проведеніи различныхъ мѣръ къ поднятію общаго благосостоянія.

Затѣмъ, частные землевладѣльцы обвиняются въ томъ, что при сдачѣ своихъ земель въ аренду, заставляютъ нуждающагося въ землѣ крестьянина платить несоразмѣрно высокую арендную плату, достигающую иногда до 30 руб. за десятину. Условія сдачи земли въ аренду чрезвычайно различны, а потому и цѣны за нее могутъ быть весьма различны; въ зависимости отъ качества земли арендная плата за хорошо удобренную землю можетъ

достигать безъ особаго преувеличенія, при извѣстномъ къ тому же положеніи участка, такой цѣны какъ 30 р. за десятину. Затѣмъ цѣна различна въ зависимости отъ того, сдается ли земля въ аренду на года цѣлыми участками съ обязательствомъ ежегоднаго удобренія части ея, или же, на одинъ годъ, на одинъ посѣвъ, конечно, безъ обязательства ея удобренія; въ первомъ случаѣ цѣна ниже, во второмъ обыкновенно значительно выше и при томъ иногда выше, если сдается подъ озимый посѣвъ, и нѣсколько ниже, если сдается подъ яровой посѣвъ. Конечно, цѣны много выше, если въ аренду сдается огородная или луговая земля. Но обвиненіе касается преимущественно ненормально высокихъ цѣнъ за полевою землю. Несомнѣнно, если земля сдается въ аренду по чрезмѣрно высокой цѣнѣ, въ виду крайней нужды въ ней мѣстнаго населенія, особенно въ такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, если эта земля необходима для прогона скота къ водопою, то отрицать виновности такого частнаго землевладѣльца нельзя; но если земля сдается въ аренду по ходячей, рыночной, такъ сказать, цѣнѣ въ мѣстности или въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что она могла бы давать или даже даетъ дохода при воздѣлываніи ея самимъ землевладѣльцемъ, то едва ли можно винить въ этомъ случаѣ частнаго землевладѣльца за то, что онъ не сдаетъ ея въ аренду за болѣе низкую цѣну; иначе винить его въ томъ, что онъ не проявляетъ благотворительности.

Не могу не остановиться здѣсь на встрѣчающемся въ литературѣ сравненіи средней платы за десятину при такъ называемой предпринимательской арендѣ, когда земля сдается на года цѣлыми участками съ обязатель-

ствомъ ежегоднаго удобренія части ея, съ арендной платой за десятину при такъ называемой нѣкоторыми писателями голодной арендѣ, когда земля сдается, на одинъ посѣвъ въ озимомъ или яровомъ полѣ, безъ всякаго обязательства ея удобренія. Для того, чтобы эти платы были сравнимы между собой, какъ однородныя величины, необходимо послѣднія, т. е. платы за десятину подъ озимый и яровой посѣвы, сложить и раздѣлить на три, чтобы получить среднюю цѣну за десятину въ трехпольѣ съ паромъ. Поэтому, если земля сдается подъ посѣвъ озими за 15 руб., подъ посѣвъ яри за 12 руб., то средняя арендная плата за десятину трехполья будетъ 9 руб. или на одинъ рубль выше такъ называемой предпринимательской въ 8 руб. за десятину—разница весьма объяснимая изъ различія условій сдачи земли въ аренду въ томъ и другомъ случаѣ.

Арендная цѣна за сдаваемую крестьянамъ землю очень часто увеличивается непомѣрно вслѣдствіе того, что сдается при участіи посредника, и часто изъ крестьянъ же, когда посредникъ наживаетъ два-три рубля на десятину. Это весьма прискорбное, могущее быть поставленнымъ въ вину частному землевладѣльцу, явленіе объясняется тѣмъ, что частный землевладѣлецъ не обладаетъ, да можетъ и не желать обладать тою способностью аккуратнаго полученія арендной платы, которою обладаютъ посредники. Не отрицая, поэтому, возможности ненормальностей со сдачей земли въ аренду частными землевладѣльцами, которыя могутъ быть поставлены имъ въ вину, я отказываюсь признать это явленіемъ настолько общимъ, чтобы обвинять въ этомъ огульно все частное землевладѣніе, сдающее земли въ

аренду, тѣмъ болѣе, что мнѣ хорошо извѣстны случаи, когда земля сдается въ аренду по умѣренной цѣнѣ вынужденно, въ нарушеніе доходности хозяйства, лишь бы предоставить въ пользованіе крестьянъ хотя нѣсколько земли, въ которой нуждаются тѣ или другіе изъ нихъ.

Далѣе, частные землевладѣльцы, использующіе свое землевладѣніе воздѣлываніемъ ея за свой счетъ, обвиняются въ неправильномъ отношеніи къ найму рабочихъ для своего хозяйства, какъ годовыхъ, полѣтчиковъ и поденныхъ, такъ и издѣльно для исполненія тѣхъ или другихъ работъ въ хозяйствѣ, на примѣръ: для полной обработки земли подъ то или другое растеніе съ посѣвомъ и уборкой его или только для уборки того или другого растенія и т. п. по десятинно, или отъ количества исполненныхъ работъ. Неправильность отношенія усматривается здѣсь, главнымъ образомъ, въ томъ, что наемная цѣна слишкомъ низка и наемъ производится въ такое время на издѣльныя работы преимущественно въ предшествующія лѣтнимъ работамъ зиму и даже осень, когда нанимающійся нуждается въ деньгахъ и потому по неволѣ долженъ соглашаться на болѣе низкую цѣну.

Что касается размѣра наемочной цѣны, то она естественнымъ образомъ опредѣляется нанимающимся, т. е. рабочій нанимается за ту цѣну, на которую онъ соглашается и которую можетъ предложить наниматель по его хозяйственнымъ соображеніямъ. Эти цѣны въ тому же устанавливаются въ мѣстности общими условіями найма, а не исключительно тѣмъ или другимъ нанимающимся или нанимателемъ, слѣдовательно, являются, такъ сказать, рыночными. А потому, если наниматель не пользуется какимъ-либо ему извѣстнымъ частнымъ

случаемъ нужды для того, чтобы понизить цѣну найма сравнительно съ рыночной, то едва ли можно обвинять его въ томъ, что онъ не даетъ той цѣны, какая могла бы быть нужна тому или другому нанимающемуся. Совершенно другимъ становится отношеніе нанимателя къ рабочему, котораго онъ знаетъ, который у него работаетъ и притомъ уже нѣсколько лѣтъ.

Къ такому рабочему благоразумный хозяинъ не только можетъ, но и долженъ отнестись, что касается его вознагражденія, иначе, нежели къ вновь нанимающемуся, такъ какъ онъ можетъ соразмѣрить это вознагражденіе и съ хорошо извѣстными ему способностями и усердіемъ рабочаго.

Что касается времени найма преимущественно на издѣльные работы задолго до наступленія времени исполненія ихъ, то это опредѣляется нуждой въ деньгахъ крестьянскаго населенія, не пользующагося правильно организованнымъ кредитомъ для своевременнаго удовлетворенія этой нужды и потому прибѣгающаго къ продажѣ своего труда. Но это явленіе стало настолько общимъ, что оно установило точно также въ мѣстности извѣстныя цѣны, которыя рѣдко могутъ быть нарушены, и нарушаются нанимателемъ, конечно, подлежащимъ осужденію, если онъ пользуется частнымъ, ему извѣстнымъ случаемъ нужды, чтобы понизить наемную плату ниже установившейся нормы. Если же эта послѣдняя признается слишкомъ низкой сравнительно съ тою цѣной, которую нанимающійся могъ бы получить, нанимаясь съ наступленіемъ времени этихъ работъ, т. е. лѣтомъ, а не предшествующими этому лѣту зимой или даже осенью, то въ этомъ отношеніи

существуетъ не только нѣкоторое, но даже значительное недоразумѣніе. Вѣдь лѣтняя цѣна значительно болѣе высокая въ настоящее время, чѣмъ зимняя или осенняя, потому и высока такъ, что за осеннимъ и зимнимъ наймами не остается уже къ лѣту свободныхъ рукъ, а если и остается, то очень мало. Если же остается ихъ довольно, какъ этому имѣются примѣры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то наемныя цѣны на трудъ въ это время повышаются сравнительно немного съ зимними. Можно ли во всякомъ случаѣ винить того или другого частнаго землевладѣльца, нанимающаго заблаговременно на работу, когда это дѣлаютъ всѣ, когда, не дѣлая этого, онъ могъ бы остаться безъ необходимыхъ для него рабочихъ рукъ; конечно, вѣтъ, если онъ только, какъ я сказалъ выше, не пользуется для этого исключительной, хорошо ему извѣстной частной нуждой. Я утверждаю даже, что въ большинствѣ случаевъ частный землевладѣлецъ, который отказалъ бы при зимнемъ наймѣ въ выдачѣ впередъ извѣстнаго количества денегъ, поступилъ бы безчеловѣчно—онъ заставилъ бы нанимающагося прибѣгнуть къ болѣе дорогому кредиту, а можетъ быть лишилъ бы его совсѣмъ даже возможности найти его. Но этими двумя еще не исчерпываются всѣ обвиненія частныхъ землевладѣльцевъ по отношенію къ рабочимъ силамъ; они обвиняются еще во многомъ, но я, по цѣли моей статьи, останавлиюсь лишь на двухъ еще: на чрезмѣрной продолжительности работы въ теченіе дня и на плохомъ продовольствіи. Что касается перваго изъ этихъ обвиненій, которое говоритъ о 14 часово́й работѣ въ теченіе дня и о работѣ въ праздничные дни, то думаю, что каждый, кто знакомъ съ положеніемъ

сельскаго хозяйства, согласится со мной, что на такое обвиненіе наводитъ не столько сельскохозяйственная дѣйствительность, сколько работа на фабрикахъ, гдѣ совершенно справедливо требуется извѣстное ограниченіе дневной работы и полный праздничный отдыхъ, такъ какъ въ фабричной работѣ одинъ день, какъ другой. Возможно ли то же въ сельскомъ хозяйствѣ, въ которомъ съ сокращеніемъ продолжительности дня, сокращается и продолжительность дневной работы, въ которомъ, затѣмъ, работы находятся въ крайней зависимости отъ погоды и въ которомъ, наконецъ, работы въ извѣстное время, при извѣстныхъ условіяхъ не допускаютъ и часа, а не то что одного или нѣсколькихъ дней отсрочки ихъ выполненія безъ того, чтобы не повести къ крупнымъ, неоплатнымъ потерямъ.

То же можно сказать и о праздничной работѣ, а потому, допуская могущее встрѣчаться и встрѣчающееся, конечно, въ этомъ отношеніи злоупотребленіе, я долженъ, однако, замѣтить, что если продолжительность дневной работы и праздничныхъ работъ вызывается дѣйствительной необходимостью, то онѣ никогда не вызываютъ ни неудовольствія, ни ропота рабочихъ, если къ тому не имѣется только какихъ-либо другихъ причинъ. Что же касается плохого продовольствія, то и оно можетъ имѣть мѣсто и быть заслуженнымъ поводомъ къ обвиненію частновладѣльческаго хозяйства, но далеко нельзя считать его, какъ и чрезмѣрную дневную работу, сколько-нибудь общимъ явленіемъ, потому что рабочіе, во первыхъ, съ поступленіемъ въ частновладѣльческія хозяйства по большей части физически крѣпнутъ, а во вторыхъ, имѣютъ весьма дѣйствительное средство борьбы противъ

всякой неправды, чинимой имъ въ хозяйствѣ—это бросить хозяйство и именно въ то время, когда оно болѣе всего въ нихъ нуждается. Этому средства не могло ихъ лишить даже положеніе о сельскохозяйственныхъ рабочихъ 1886 года при наймѣ ихъ по договору, потому что, съ одной стороны, едва ли хозяинъ можетъ мириться съ приводомъ къ нему самовольно ушедшаго работника полицейской властью, съ другой же, едва ли работникъ сдерживается на мѣстѣ перспективой отсидѣть за самовольный уходъ подъ арестомъ, который наступаетъ обыкновенно для него въ свободное отъ работъ время. Единственно чему рабочій подвергается въ случаѣ самовольнаго ухода, да и то не всегда, это возврату незажитыхъ денегъ. И самовольные уходы рабочихъ нерѣдко вызываются денежнымъ расчетомъ: забравъ деньги впередъ въ одномъ хозяйствѣ и, не отработавъ ихъ тамъ, получить новое количество денегъ въ другомъ хозяйствѣ.

Всѣмъ выше сказаннымъ мнѣ хотѣлось обратить вниманіе на то, насколько высказывавшееся и высказывающееся обвиненіе частнаго землевладѣльца огульно и преувеличено; это же, конечно, прежде всего несправедливо, а затѣмъ и вредно, потому что ведетъ къ обостренію отношеній между частнымъ землевладѣніемъ и крестьянскимъ населеніемъ. Неужели это нужно для цѣлесообразнаго рѣшенія аграрнаго вопроса.

Вѣдь главная причина не всегда нормальнаго отношенія частнаго землевладѣнія къ рабочему населенію заключается въ нуждѣ, испытываемой этимъ послѣднимъ. Но развѣ въ этой нуждѣ можно винить частное землевладѣніе; развѣ въ ней не виноваты тѣ, которые должны были озаботиться, но на самомъ дѣлѣ не позаботи-

лись о дѣйствительномъ просвѣщеніи крестьянскаго населенія, о предоставленіи ему правильно организованнаго кредита, объ упорядоченіи его землепользованія съ соответствующимъ расширеніемъ этого послѣдняго въ случаѣ надобности. Будь это сдѣлано, аграрный вопросъ представлялся бы совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ сейчасъ. Я всегда былъ и остаюсь того мнѣнія, что частновладѣльческое хозяйство, вопреки можетъ быть мнѣнію нѣкоторыхъ близорукихъ частныхъ землевладѣльцевъ, только выигрываетъ во всѣхъ отношеніяхъ отъ сосѣдства съ зажиточнымъ, ненуждающимся постоянно въ деньгахъ крестьянскимъ населеніемъ.

Происходящіе сейчасъ аграрные безпорядки для меня понятны, какъ продуктъ страстей, возбужденныхъ и ежечасно возбуждаемыхъ агитаціей и пропагандой, находящими себѣ благопріятную почву въ общей темнотѣ крестьянской массы,—а вѣдь развитые люди въ крестьянскомъ населеніи составляютъ пока исключеніе—въ безотчетномъ ея стремленіи къ увеличенію ея землепользованія, въ угнетенномъ ея состояніи и далеко не всегда правильныхъ отношеніяхъ къ ней какъ самихъ частныхъ землевладѣльцевъ, такъ и администраціи. Вѣдь этой темной массѣ недоступно разобраться въ томъ, кто собственно виновникъ испытываемой ею тяготы какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но аграрные безпорядки, совершающіеся при этихъ благопріятствующихъ имъ обстоятельствахъ, поражаютъ неодинаково всѣ мѣстности и всѣ частновладѣльческія имѣнія и, если обратить вниманіе на замѣчаемое *по крайней мѣрѣ* пока различіе въ этомъ отношеніи, то едва ли не менѣе страдаютъ отъ этихъ

безпорядковъ имѣнія и хозяйства тѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ, которые ближе стоятъ къ землѣ и къ мѣстному населенію, и тѣ мѣстности, въ которыхъ число такихъ частныхъ землевладѣльцевъ больше. А потому я, не колеблясь, готовъ видѣть главную вину частнаго землевладѣнія въ томъ, что большинство частныхъ землевладѣльцевъ отошло отъ земли, воспитало свои молодыя поколѣнія въ отчужденіи отъ земли и, выбивая такъ сказать, а не добывая средства жизни изъ земли, невольно впадало въ неправильныя отношенія къ рабочему населенію, особенно при посредствѣ несоответствующихъ дѣлу управляющихъ и, что удивительно, зачастую изъ крестьянъ же, а потому, затѣмъ, не могу не отнестись особенно сочувственно къ тѣмъ частнымъ землевладѣльцамъ, использующимъ свою землю правильно, рационально поставленнымъ на ней хозяйствомъ, которые, получая отъ хозяйства средства къ жизни, даютъ въ то же время мѣстному населенію заработокъ, и притомъ заработокъ хорошій, потому что безъ такого заработка правильная постановка хозяйства невозможна. Они вложили въ хозяйство не только въ своихъ интересахъ, но и въ интересахъ мѣстнаго населенія массу труда и значительный, трудомъ своимъ добытый, капиталъ, не говорю уже о встрѣчающихся съ ихъ стороны еще другихъ не хозяйственныхъ заслугахъ передъ населеніемъ. Но чего же могутъ ожидать такіе частные землевладѣльцы сравнительно съ другими, не имѣющими такихъ заслугъ, отъ осуществленія выработываемаго нынѣ аграрнаго закона? Какъ будто, только мевъшаго или большаго разоренія! Нѣкоторыхъ же изъ нихъ законъ можетъ пустить по міру, и имъ останется на дѣлѣ убѣдиться, благодарно ли имъ

3

населеніе, которому они служили. Справедливо ли это? Не странно ли это? А между тѣмъ можетъ выйти такъ, что для русскаго интеллигента было преступленіемъ владѣть землей и еще большимъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, да къ тому же вести хозяйство возможно правильно.

6 Юля 1906 г.

Къ редактору «Русскихъ Вѣдомостей».

Придавая большое значеніе возможно полному и всестороннему обсужденію аграрнаго вопроса, я рѣшился напечатать въ формѣ брошюры записку „Нѣсколько мыслей и соображеній по аграрному вопросу“, какъ сводъ того, что пришлось пережить, наблюсти и передумать въ этомъ отношеніи за многіе годы, и разослать ее, насколько это могло быть мнѣ доступно, какъ интересующимся этимъ вопросомъ, разрабатывающимъ его, пишущимъ о немъ и дѣйствующимъ по нему, чтобы получающему брошюру помочь обратить вниманіе еще на нѣкоторыя не имѣвшіяся имъ, можетъ-быть, въ виду стороны аграрнаго вопроса, такъ и моимъ ученикамъ, желая, чтобы эти послѣдніе имѣли возможно полный мой духовный обликъ. Но я не предполагалъ пускать брошюры этой въ продажу, и вотъ почему: опытъ показалъ мнѣ, что большинство читателей не прочтеть брошюры съ тѣмъ вниманіемъ, которое требуется для того, чтобы составить себѣ полное, цѣлостное представленіе о моемъ пониманіи аграрнаго вопроса, а ограничится лишь впечатлѣніями, которыя получить отъ от-

дѣльныхъ мѣстъ ея внѣ связи ихъ между собою, а затѣмъ пишущіе изъ такихъ читателей по аграрному вопросу съ извѣстнымъ къ тому же предубѣжденіемъ, несомнѣнно, используютъ эти отдѣльныя мѣста, освѣтятъ ихъ въ интересахъ проведенія своего взгляда, а не въ интересахъ возможно вѣрной и цѣлостной передачи моего пониманія аграрнаго вопроса, такъ что у читателя этихъ писаній могутъ явиться совершенно ложныя представленія о моемъ взглядѣ на аграрный вопросъ и его рѣшеніе; я же, въ мои годы и при моихъ силахъ, никакъ не могу рассчитывать на возможность для себя во всѣхъ этихъ случаяхъ, которыхъ могло быть не мало, выступать каждый разъ печатно съ исправленіемъ этихъ ложныхъ толкованій и разъясненіями вызываемыхъ ими недоразумѣній. Изложивъ это во введеніи къ моей запискѣ, снабдивъ ее на заглавномъ листѣ просьбой, обращенной къ получателю брошюры—возвратить мнѣ брошюру съ его замѣчаніями, если онъ найдетъ это возможнымъ, причѣмъ, взаимнѣ возвращенной я обязывался приславшему высылать новый экземпляръ, и не пуская ее въ продажу, я могъ, мнѣ казалось, надѣяться на то, что о брошюрѣ не будетъ ничего печататься. Но, оказалось, я ошибся въ своемъ расчетѣ: вскорѣ послѣ разсылки первыхъ экземпляровъ брошюры появилось о ней, правда, почти, лишь упоминаніе въ № 21 *Народнаго Дѣла*, что заставило меня тотчасъ же помѣстить на заглавномъ листѣ экземпляровъ послѣдующей затѣмъ разсылки новую просьбу: „авторъ проситъ ничего не печатать объ его брошюрѣ, предназначая ее въ исключительное пользованіе получателя“. Но затѣмъ въ книгѣ: „Нашъ земельный вопросъ“

весьма известнаго автора появилось уже не только упоминаніе о брошюрѣ, но и сдѣланы выписки изъ нея, причемъ мое общественное хозяйство приравнено къ артельному и подобно тому, какъ и въ нѣкоторыхъ, полученныхъ мною замѣчаніяхъ въ письмахъ ко мнѣ и въ замѣткахъ на возвращенныхъ мнѣ брошюрахъ, считается невозможнымъ—мечтой устройство такого хозяйства теперь же. Вотъ это-то побуждаетъ меня въ настоящемъ моемъ письмѣ просить васъ, г. редакторъ, помѣстить въ уважаемой вашей газетѣ ниже слѣдующее разъясненіе, что мое общественное хозяйство ничего общаго съ артельнымъ не имѣетъ; что оно не предполагается исключительно крестьянскимъ; что оно, по характеру своему, скорѣе всего походитъ на настоящее частновладѣльческое известной крупности хуторское хозяйство съ наемными работниками, почему я и говорю въ брошюрѣ, что придаю хорошо организованнымъ частновладѣльческимъ хозяйствамъ большое значеніе, какъ образцамъ, зародышамъ будущихъ общественныхъ хозяйствъ; съ юридической же, если я вѣрно выражусь, стороны, мое общественное хозяйство, пока существуетъ частная земельная собственность, есть акціонерное предприятие, акціонеры котораго владѣютъ земельными паями и получаютъ на нихъ дивиденды, тѣ же изъ нихъ, которые нанимаются на работы въ общественныя, подобно тому какъ и въ частновладѣльческія, хозяйства, находятъ въ нихъ, сверхъ того, и заработокъ. Соціальное положеніе работниковъ въ такомъ хозяйствѣ отличается отъ положенія ихъ въ частновладѣльческомъ тѣмъ, что они, какъ акціонеры, участвуютъ въ нормировкѣ этого положенія. Привела же меня въ мысли объ обществен-

номъ хозяйствѣ значительность величины хозяйственной единицы, необходимой для того, чтобы хозяйство главнымъ образомъ полеводственное, скотоводственное и сельскохозяйственно-техническое могло быть доходнымъ, особенно въ случаяхъ сравнительно малой его интенсивности. Хозяйство же съ такими отраслями сельскаго хозяйства, какъ огородничество, садоводство, пчеловодство и др. и даже отчасти скотоводство въ его, если можно такъ выразиться, первоначальной стадіи, можетъ быть доходнымъ, будучи мелкимъ индивидуальнымъ, на собственной землѣ или же на землѣ въ наследственной арендѣ. Такое общественное хозяйство ничего не имѣетъ общаго съ артельнымъ, да если я и допускаю артельную работу въ исполненіи известныхъ сельскохозяйственныхъ работъ по найму, то не могу, даже на основаніи имѣющагося опыта, считать устойчивымъ и продуктивнымъ артельное сельское хозяйство. Будучи врагомъ всякаго устройства людей и вѣря въ цѣлесообразность и устойчивость только плодовъ спокойнаго прогресса, я не рекомендую какихъ-либо мѣръ къ устройству общественныхъ хозяйствъ, хотя считаю обязанностью каждаго, насколько это въ его силахъ, помогать людямъ устраиваться. Не явится у людей сознанія въ пользѣ такихъ хозяйствъ, ихъ и не будетъ. Я допускаю даже такое предположеніе, что общественное хозяйство никогда не станетъ общимъ явленіемъ, но все-же изъ этого не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, чтобы было мечтой и даже утопій желать его появленія о-бокъ съ другими формами хозяйства и ожидать его осуществленія, насколько оно будетъ требоваться людьми. Поэтому думаю, что можно и слѣдуетъ даже, исполнѣ сохраняя реальную

почву, обсуждать, насколько такое общественное хозяйство можетъ быть рациональнымъ и осуществимымъ при настоящихъ условіяхъ. Но, чтобы даваемое мною разъясненіе подѣржить ссылкой на самую брошюру для тѣхъ изъ читателей книги „Нашъ земельный вопросъ“, которые не получили и могутъ не получить моей брошюры, приходится въ измѣненіе первоначальнаго моего рѣшенія пустить брошюру, хотя въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, въ продажу и просить васъ, г. редакторъ, не отказать въ исполненіи этого конторой редакціи *Русскихъ Вѣдомостей*.

Примите и проч.

5 Іюля 1906 г.
